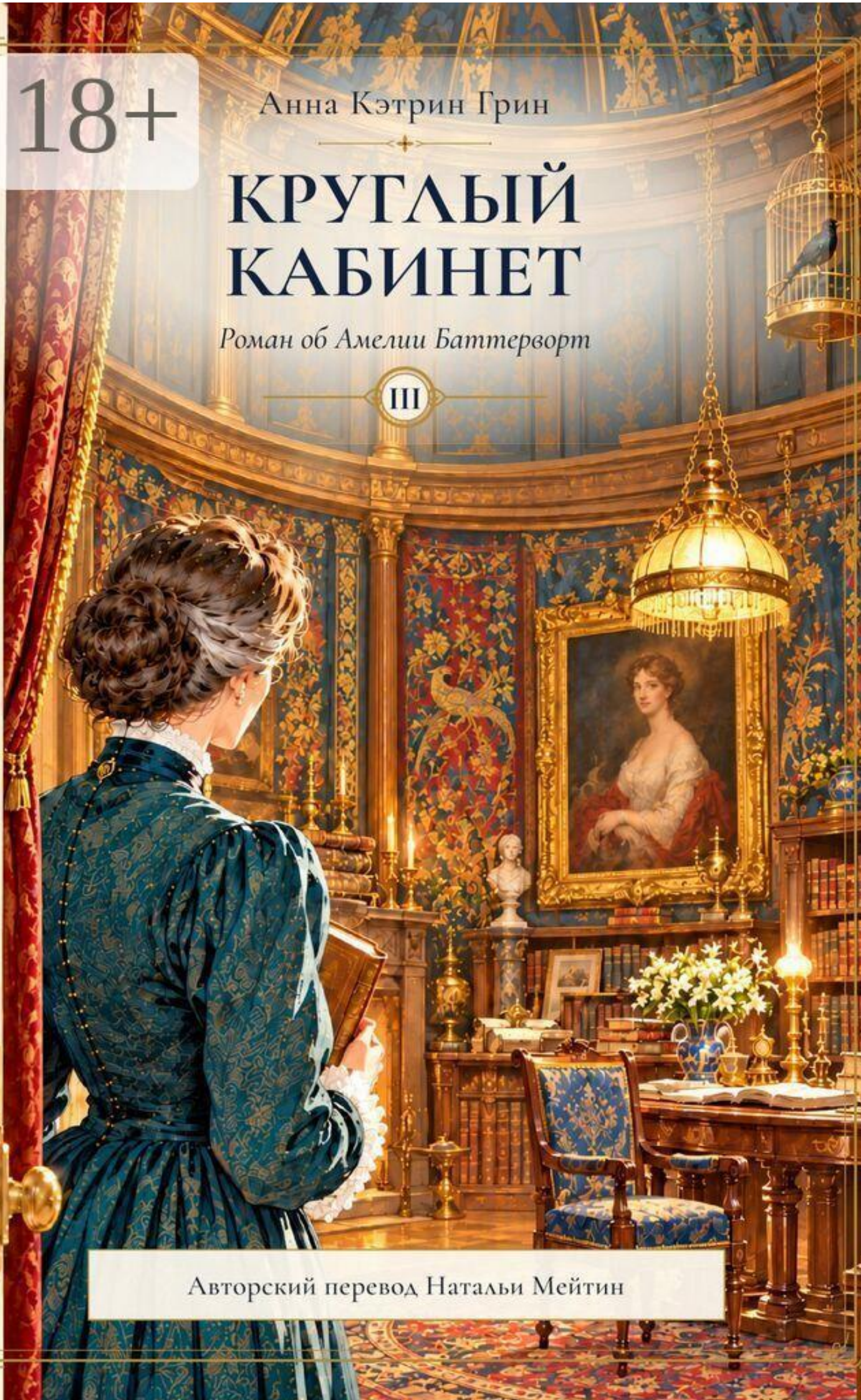
18+

Анна Кэтрин Грин

КРУГЛЫЙ КАБИНЕТ

Роман об Амелии Баттерворт

III

Авторский перевод Натальи Мейтин

Анна Кэтрин Грин

Круглый кабинет

«Издательские решения»

Грин А.

Круглый кабинет / А. Грин — «Издательские решения»,

Убийство в запертом кабинете, где свет меняет цвет, скворец кричит чужое имя, а единственный свидетель не слышит и не говорит. Сыщик Грайс берётся за расследование, а Анна Кэтрин Грин делает неожиданный ход: детектив превращается в семейную трагедию тридцатилетней давности — с письмами, дневником и клятвой у постели умирающего. Третий роман об Амелии Баттерворт. Авторский перевод Натальи Мейтин.

© Грин А.
© Издательские решения

Содержание

Книга I. Странное преступление 6
Глава I. Красный свет 6
Глава II. Загадки 9
Глава III. Немой слуга 13
Глава IV. Нечто новое для мистера Грайса 16
Глава V. Пять блёсток 20
Глава VI. Советы старой знакомой 26
Конец ознакомительного фрагмента. 28

Круглый кабинет

Анна Кэтрин Грин

Переводчик Наталья Мейтин
Редактор Зинаида Граутбер
Художник, Лаборатория книжного дизайна Ingenium. Иллюстрация создана с помощью нейросети Наталья Мейтин

© Анна Кэтрин Грин, 2026
© Наталья Мейтин, перевод, 2026

ISBN 978-5-0071-5977-7
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero
Anna Katharine Green. *The Circular Study*. New York, 1900
Перевод с английского, эпиграфы к главам и примечания — Натальи Мейтин
© Н. Мейтин, перевод, 2026

Книга I. Странное преступление

Глава I. Красный свет

Кто уверяет, что всё на свете уже видел, просто давно не видел ничего странного.
— Из правил мисс Баттерворт

Мистер Грайс хандрил. Он достиг тех лет, когда силы на исходе и воодушевление приходится то и дело пришпоривать, а в последнее время ничего особенного не случалось, и он чувствовал себя скучным, отжившим своё стариком. Он даже подумывал оставить службу и удалиться на маленькую ферму, купленную когда-то в Уэстчестере. Веселее ему от этих мыслей не становилось: он принадлежал к людям, которым действие необходимо как воздух и для которых работа ума дороже любой выгоды, какую она может принести. Куры и грядки, как известно, загадок не загадывают.

Но исполнить своё намерение ему пока было не суждено. В самый разгар его тайного недовольства в Главное полицейское управление позвонили по телефону, и это известие пробудило в старике прежнюю бодрость, а конец серого осеннего дня наполнило интересом, какого он уже не чаял испытать ни в этот, ни в какой другой день. Звонили из известной аптеки Картера. Сообщали, что какая-то дама только что прислала с улицы мальчишку сказать, что в особняке — — за углом совершено странное преступление. Мальчик даму не знал и стеснялся показывать деньги, которые она ему дала, но деньги у него явно были, и так же явно он был напуган — а значит, скорее всего, говорил правду. Если полиция пожелает с ним поговорить, он у Картера: его задержат, пока не поступит распоряжение отпустить.

Странное преступление! Слово «странное» поразило мистера Грайса. Он принялся гадать, что за ним кроется, и забыл о своих годах. Тем временем окружающие обменивались замечаниями о доме, который так неожиданно привлёк их внимание. Особняк был одной из немногих уцелевших достопримечательностей прошлого века, и его давно приметили даже те, кто ничего не знал о его истории и преданиях: уж очень он бросался в глаза среди лавок, клубов и ресторанов, теснивших его с обеих сторон.

И вот в этом доме совершено преступление! У мистера Грайса слово «странное» звенело в ушах тихо и настойчиво. Ему довольно было встретиться взглядом с дежурным инспектором, чтобы получить приказ заняться этим делом. Он тотчас отправился в путь и первым делом зашёл в аптеку. Там он нашёл мальчика и взял его с собой к указанному дому. По дороге он попытался его разговорить, но бедный бродяжка ничего не мог прибавить к тому, что уже сообщили по телефону. Он упорно твердил, что к нему подошла дама (именно дама, а не какая-нибудь там женщина), когда он разглядывал игрушки в витрине. Она дала ему монету и потянула за собой по улице до самой аптеки. Здесь она показала ему вторую монету и пообещала отдать и её, если он сбегает к телефонисту с поручением для полиции. Монету ему хотелось, и когда он за ней потянулся, дама сказала: всё, что от него требуется, — передать служащему, что в старом доме на улице — — совершено странное преступление. Тут он перепугался и хотел улизнуть, но она поймала его снова и трясла до тех пор, пока он не пришёл в себя. После этого он вбежал в аптеку и передал поручение.

Мальчик говорил бесхитростно, и мистер Грайс склонен был ему верить. Но когда его попросили описать даму, выяснилось, что наблюдательности у него не больше, чем у большинства уличных мальчишек. Он только и мог сказать, что она «прямо загляденье» и что на ней были блестящее платье и драгоценности. Под такое описание подошла бы половина дам, гуля-

ющих в этот час по Бродвею. Как раз когда показался нужный дом, мистер Грайс понял, что большего от мальчика не добиться. Он перестал расспрашивать и всё внимание обратил на здание, к которому подходил.

Снаружи ничто не говорило ни о преступлении, ни даже о переполохе. Запертая дверь, чистое крыльцо, окна за плотными портьерами, а некоторые ещё и за опущенными шторами, — всё дышало внутренним покоем и семейной благопристойностью. Спокойный фасад из кирпича с отделкой из бурого песчаника приятно отличался от соседних зданий, которые выступали по обе стороны, пестрели вывесками и гудели от торговли.

«Какая-то ошибка», — пробормотал Грайс себе под нос: безмятежность, царившая над всем домом, снова поразила его. Но не успел он решить, что стал жертвой розыгрыша, как в нижнем дворике под крыльцом что-то шевельнулось и оттуда вышел полицейский. Лицо у него было до того озадаченное, что мистер Грайс знаком велел ему вернуться и торопливо спросил:

— Что-нибудь не так? Кровь пролилась? Здесь как будто всё тихо.

Полицейский узнал старого сыщика и коснулся шляпы.

— Не могу войти, — сказал он. — Звонил во все звонки. Решил бы, что дом пустой, если бы мне не показалось, что наверху в окне кто-то шевельнулся. Попробовать пробраться во двор через нижнее окно соседнего магазина «Кнапп и Ко»?

— Да, и возьмите с собой мальчика. Заприте его в какой-нибудь конторе, а потом проберитесь в этот дом, как сумеете. Со двора это, надо полагать, нетрудно.

Полицейский кивнул, взял мальчика за руку и мигом исчез с ним в соседнем магазине. Мистер Грайс остался в нижнем дворике, где его вскоре осадила толпа прохожих, жаждавших поглазеть на беду, которую они так быстро учуяли. В Нью-Йорке толпа собирается быстрее, чем успеваешь сказать ей «расходитесь». На вопросы он пока ответить не мог, и, к счастью, дверь вскоре открыли изнутри. Это разом положило конец приставаниям, и он проскользнул в дом, где его встретила почти полная тишина. Перед ним был коридор полуподвального этажа, ведущий в кухню. Даже в такую минуту он отметил, что кухня прибрана лучше, чем обычно бывает там, где много хозяйничают. Но ничто здесь не говорило ни о трагедии, ни даже о нарушении распорядка, обычного для домов такого размера и положения.

Убедившись, что искать надо не здесь, он вслед за полицейским поднялся наверх. Когда они вышли на этаж гостиных, тот обронил:

— Мистер Раффнер из фирмы по соседству говорит, что здешний жилец — человек чудной, его никто не знает. Книжный червь, так, кажется, называют. Живёт в доме полгода, а в соседней фирме ни разу не видели здесь никого, кроме него самого да странного старого слуги, такого же чудаковатого и неразговорчивого, как хозяин.

— Знаю, — пробормотал мистер Грайс.

Он и правда знал — знали все. Этот дом, некогда родовое гнездо одного из самых аристократических семейств Нью-Йорка, занимал теперь некий мистер Адамс. Он был известен необыкновенно привлекательной наружностью, богатством и нелюдимым нравом, который исключал всякое общение с себе подобными. Именно это и придавало расследованию особую остроту. Войти в дом такого человека было событием само по себе; войти в него по делу о жизни и смерти… Что ж, именно такие случаи и пробуждают жизнь в старых жилах, особенно если эти жилы связывают сердце и мозг проницательного сыщика, пусть ему и под восемьдесят.

Холл, где они теперь оказались, был просторный и скудно обставленный на старинный манер, какой и встречается в таких почтенных зданиях. В холл выходили две двери, и обе стояли открытыми. Воспользовавшись этим, они вошли в ближнюю, почти напротив лестницы, по которой только что поднялись, и очутились в комнате, голой, как приёмная врача. Ничего достойного внимания здесь не было, и они ушли бы так же бесцеремонно, как вошли, если бы в дальнем конце комнаты, за полураздвинутыми складками портьеры, не мелькнуло богатое убранство, суля комнату необычайного изящества.

Пройдя в этот дверной проём, они огляделись — и замерли в ужасе. Ничто в их опыте (а опыта у обоих было немало) не подготовило их к тому потрясающему, торжественному зрелищу, которое им предстояло созерцать.

Попытаться ли мне его описать?

Комната — небольшая, круглая, увешанная диковинными гобеленами, среди которых там и сям выделялись бесценные редкости. Хотя на улице был ещё день, её освещала струя розового света. Свет падал не на ряды книг, окружавших нижнюю часть комнаты, и не на единственную большую картину, которая в другое время приковала бы к себе взгляд, — он падал на запрокинутое лицо человека. Человек лежал на медвежьей шкуре с кинжалом в сердце. На груди у него лежал крест, и его золотые линии резко выделялись на длинном тёмном облачении, окутывавшем тело. От этого лежащий походил на святого, приготовленного к погребению в какой-нибудь обители, — если бы не кинжал, говоривший о насильственной смерти, и не лицо, на котором застыла мука. Мистер Грайс, при всём своём многолетнем опыте, не нашёл для неё имени: так мало было в ней от страха, боли или удивления — от всего, что обычно читается на лицах тех, кого настиг неожиданный удар убийцы.

Глава II. Загадки

Никогда не трогайте чужую чернильницу: сыщик первым делом заметит, что она стоит не там.
— Из правил мисс Баттерворт

Прошла минута нерешительности, даже благоговейного страха, прежде чем мистер Грайс овладел собой. Тусклый свет, жуткая тишина, неожиданная обстановка, словно из романтических времён, неподвижная фигура того, кто так недавно был хозяином дома, а теперь лежал, вытянувшись, будто для погребения, со священным символом на груди, который так страшно противоречил земной страсти, вонзившей кинжал, — всего этого было довольно, чтобы взволновать даже закалённую душу старого служителя закона. Его ум за долгие годы службы бился над многими трудными задачами, но ни разу — над такой.

Впрочем, длилось это лишь мгновение. Прежде чем спутник успел выразить собственное замешательство и изумление, мистер Грайс вошёл и встал возле распростёртого тела.

Он ни минуты не сомневался, что этот человек давно перестал дышать, и всё же первым делом удостоверился в этом: взял его за запястье и заглянул в глаза. В глазах стоял такой упрёк, что выдержать его взгляд мистеру Грайсу удалось, лишь призвав на помощь всё своё профессиональное хладнокровие.

Тело было ещё тёплым, но смерть не вызывала сомнений. Убедившись в этом, сыщик не стал вынимать кинжал из раны, хотя и рассмотрел его самым тщательным образом, прежде чем перевести взгляд на другое. Оружие было необычное — диковинка из какой-нибудь восточной лавки. Уже одно это наводило на мысль о самоубийстве, но направление, в каком лезвие вошло в тело, и место раны были не те, каких ждёшь, когда человек сам лишает себя жизни.

Других улик было немного. Хотя здесь пролилась кровь и случилась смерть — несомненно, от внезапного и яростного нападения, — в прибранной комнате не нашлось никаких следов борьбы. Если не считать нескольких лепестков роз, рассыпанных по полу, комната дышала покоем и тихой роскошью. Даже большой стол посреди комнаты, у которого стоял хозяин дома, когда его настиг удар, ничем не выдавал трагедии, разыгравшейся рядом. Во всяком случае, на первый взгляд: его широкая столешница была уставлена всевозможными полезными и красивыми вещами, но все они стояли нетронутыми и, по всей видимости, на своих местах, словно удар, сразивший хозяина, не передался его вещам.

Чего только не было на этом столе! Лишь человек со сложными вкусами и обширными познаниями мог собрать и разместить на таком небольшом пространстве трубки, перья, портреты, гири, мерные сосуды, римские светильники, венецианское стекло, редкий фарфор, медали, грубые изделия из металла, рукопись, нотный свиток, горшок с живыми цветами и… и… (вот что казалось удивительнее всего) ряд электрических кнопок. Стоило мистеру Грайсу коснуться одной из них, как свет, горевший красноватым огнём в узорной железной клетке под потолком, мгновенно сменился зеленоватым, и комнату залило таким мертвенным сиянием, что мистер Грайс поспешно нащупал другую кнопку. Нажав её, он с облегчением увидел, как болезненный оттенок, прибавлявший жути и без того торжественному ужасу этого места, уступил место мягкому белому свету.

«Детские забавы для человека его лет и положения», — подумал мистер Грайс. Но, снова взглянув на лицо, запрокинутое у его ног, он усомнился, чтобы у владельца такого лица могли быть хоть какие-то детские причуды: так сильны и решительны были его резкие черты. Это лицо и в любых обстоятельствах произвело бы впечатление. А теперь, с застывшим на нём выражением, оно так завораживало, что сбивало сыщика с мысли всякий раз, когда он позволял ему отвлечь себя от дела. Приписать глупость человеку с таким ртом и таким подбород-

ком значило бы расписаться в собственном невежестве по части человеческой природы. Стало быть, у лампы под потолком, с её электрическими проводами и сменными стёклами, был свой смысл. Искать его пока следовало в приметах научных занятий — в книгах и приборах, окружавших сыщика со всех сторон.

Оставив белый свет гореть, мистер Грайс со свойственным ему усилием перевёл внимание на стены, увешанные, как я уже говорил, гобеленами и редкостями. Ничто на них не могло помочь ему разгадать тайну преступления, разве что… да, кое-что было: погнутый гвоздь, вырванный из стены, — тот самый, на котором висел крест, лежавший теперь у мёртвого на сердце. Шнурок, на котором крест висел, всё ещё держался на нём, и его красные нити смешивались с другой алой нитью, протянувшейся к ним из раны на груди. Кто сорвал этот крест? Не сам убитый: с такой раной он не мог бы и шевельнуться. К тому же гвоздь и пустое место на стене находились так далеко от тела, как только позволяла небольшая круглая комната. Значит, чья-то другая рука сорвала этот символ мира и прощения и положила его туда, где его коснётся последнее дыхание умирающего, — то ли в порыве религиозной надежды, то ли в безумном раскаянии. Но о том, что это значит, мистер Грайс позволил себе подумать лишь мимоходом: слишком дороги были минуты, пока он оставался на месте преступления один.

За столом, на полпути к потолку, висела картина — единственная большая картина в комнате. Это был портрет юной девушки необычайно трогательной и одухотворённой красоты. Судя по платью и причёске, его написали примерно в конце нашей Гражданской войны. В портрете чувствовалось то же неотступное обаяние ума, что и в человеке, лежавшем на полу, и хотя она была светлая, а он тёмный, сходство между ними было достаточным, чтобы предположить родство. Под портретом были прикреплены сабля, пара эполет и медаль — из тех, какими награждали за храбрость в Гражданскую войну.

— Памятные вещи, которые могут нам пригодиться, — пробормотал сыщик.

Двинувшись дальше, он неожиданно наткнулся на узкую занавеску, такую тёмную и так похожую рисунком на драпировки соседних стен, что до сих пор она ускользала от его внимания. Окна она закрывать не могла: окна в этой необыкновенной комнате были высоко, почти под самым потолком. Значит, за ней скрывался проход в ещё одну, смежную комнату. Так оно и оказалось. Отодвинув занавеску, он вошёл в узкую каморку, где стояли кровать, туалетный столик и маленький столик. Кровать была узкой холостяцкой койкой, туалетный столик — как у человека с утончёнными вкусами и чрезвычайно аккуратного. И кровать, и столик были в идеальном порядке, кроме одного: со столика взяли гребень в серебряной оправе, и вскоре сыщик нашёл его на полу в другом конце каморки. Гребень и зонтик с перламутровой ручкой на подставке у двери говорили о том, что совсем недавно здесь была женщина. Кто она, сыщик вскоре понял по маленькой, но безошибочной примете, связывавшей её с той, что подняла тревогу и послала за полицией. Примета эта — чёрная блёстка, которую модистки и портнихи называют пайеткой, — лежала на пороге между каморкой и кабинетом. Когда мистер Грайс, привлечённый её блеском, нагнулся рассмотреть её, он заметил на полу дальше вторую такую же, а ещё через несколько шагов — третью. Последняя лежала у большого стола посреди комнаты, возле которого он только что стоял.

Изящная дорожка из сверкающих капелек странно на него подействовала. Будучи наблюдателем дотошным, он знал, что такую отделку делают из блёсток, нанизанных на нитку; стоит нитке порваться — и блёстки начинают сыпаться одна за другой, так что по ним почти можно проследить путь их обладательницы. Может быть, его порадовала тонкость подброшенной ему улики, а может быть, ирония судьбы, которая вот так устраивает ловушку неосторожным смертным из их же тщеславия. Блёстки, по-видимому, и придуманы нарочно для сыщиков: дамам от них одни хлопоты. Как бы то ни было, улыбка, с которой он обратил взгляд к столу, куда его привела эта дорожка, была весьма красноречива. Но прежде чем рассматривать стол подробнее, он попытался выяснить, где же нитка ослабла и выпустила блёстки. Не зацепилась ли она

за какой-нибудь выступ на двери или на мебели? Ничего такого он не видел. Все стулья были мягкие, и… Но постойте! Крест! У основания креста была золотая резьба. Не могла ли эта филигрань зацепиться за платье, когда женщина срывала крест со стены, и не тогда ли подалась нитка, которая подарила ему эту восхитительную улику?

Он поспешил к месту, где висел крест, и обыскал пол у себя под ногами, но не нашёл ничего, что подтвердило бы догадку, пока не дошёл до шкуры, на которой лежал убитый. Там, в длинном медвежьем меху, он отыскал ещё одну блёстку и понял, что женщина в блестящем платье наклонялась здесь до него.

Убедившись в этом, он вернулся к столу и на этот раз осмотрел его самым тщательным и подробным образом. Что осмотр кое-что дал, было видно по улыбке, с которой он разглядывал свой палец, проведя им по одному месту возле чернильницы, и по тому, как бережно он приподнял чернильницу и поставил её точно на то же место, откуда взял. Ожидал ли он найти под ней что-то спрятанное? Кто знает. Лицо сыщика редко выдаёт его секреты. Своими секретами мистер Грайс делился разве что с вещами — с набалдашником трости, с дверной ручкой, — да и те, надо думать, помалкивали.

Он стоял у стола, глубоко задумавшись, когда за спиной послышались быстрые шаги, и он обернулся. Это вернулся Стайлс, полицейский. Он уже обошёл дом и теперь стоял перед сыщиком с видом человека, которому есть что сказать.

— Что такое? — спросил мистер Грайс и быстро шагнул к нему.

Вместо ответа полицейский показал на лестницу, видневшуюся за дверью приёмной.

«Идите наверх!» — говорил его жест.

Мистер Грайс медлил и оглядывал комнату, которая так занимала его в эту минуту. Тут полицейский разволновался и нарушил молчание:

— Идёмте! Я нашёл виновного. Он в комнате наверху.

— Он? — Местоимение явно удивило мистера Грайса.

— Да. Тут и сомневаться нечего. Когда вы его увидите… Но что это? Он спускается? Я уверен, что больше в доме никого нет. Слышите шаги, сэр?

Мистер Грайс кивнул. Кто-то, несомненно, спускался по лестнице.

— Давайте отойдём, — предложил Стайлс. — Не потому, что он опасен, а потому, что вам очень нужно увидеть его прежде, чем он увидит вас. Он очень странно себя ведёт, сэр. Если он войдёт сюда, то непременно сделает что-нибудь такое, что его выдаст. Где бы нам спрятаться?

Мистер Грайс вспомнил о каморке, откуда только что вышел, и увлёк полицейского туда. Устроившись внутри, он опустил занавеску, оставив лишь маленькую щёлку. Двое бывалых служителей закона, затаившихся за занавеской, — картина, которую полицейские отчёты обычно обходят молчанием. Шаги, становившиеся всё громче, приближались, и вскоре стало слышно дыхание незнакомца, частое и тяжёлое.

— Он знает, что в дом кто-то вошёл? Он видел вас, когда вы наткнулись на него наверху? — шепнул мистер Грайс на ухо стоявшему рядом.

Стайлс покачал головой и нетерпеливо указал на противоположную дверь. Тот, кого они ждали, только что откинул портьеру и в следующий миг остановился у самого порога, на виду.

Мистер Грайс и его товарищ уставились на него. Это и есть убийца? Этот бледный, худой слуга с подносом в руке, на котором стоит один-единственный стакан воды?

Мистер Грайс так изумился, что взглянул на Стайлса, ожидая объяснений. Но полицейский, скрыв собственное удивление — такого мирного вида он не ожидал, — шёпотом попросил его потерпеть. Оба снова повернулись к слуге и увидели, как тот шагнул вперёд, остановился, бросил взгляд на фигуру, лежавшую на полу, и выронил стакан с тихим вскриком, который тут же перешёл в нечто похожее на вой.

— Смотрите на него! Смотрите! — торопливо шептал Стайлс. — Глядите, что он сейчас сделает. Сейчас увидите убийцу за работой.

И в самом деле: в следующее мгновение это странное существо, утратив всякое сходство с собой прежним, принялось разыгрывать пантомиму. Двум мужчинам, следившим за ним, казалось, что она и объясняет, и показывает преступление, совершённое здесь только что.

В неистовом волнении он вглядывался в пустоту перед собой. Затем, отведя одну руку назад и как-то странно её скрючив, другой рукой метнулся к столу, сделал вид, будто что-то схватил, и, едва сомкнув на этом пальцы, нанёс быстрый удар вбок — всё в тот же пустой воздух. Казалось, воздух дрогнул в ответ: так сильно было движение и так ясно намерение.

Отдача после удара; медленно разжимающиеся пальцы, выпускающие воображаемый кинжал; тело, качнувшееся назад; и минута, когда он широко раскрытыми глазами словно с ужасом смотрел на то, что сотворил, — всё это не нуждалось в объяснениях сверх тех, что давали его искажённое лицо и дрожащее тело. Понемногу поддаваясь раскаянию или ужасу перед собственным преступлением, он опускался всё ниже и ниже, пока наконец — всё так же с вытянутой назад рукой — не осел на пол бесформенной грудой.

— То же самое он проделывал при мне наверху, — прошептал Стайлс на ухо изумлённому сыщику. — Видно, от того, что натворил, он лишился рассудка.

Мистер Грайс не ответил. Перед ним была задача, какой он не встречал за всю свою долгую службу.

Глава III. Немой слуга

Молчаливый свидетель порой рассказывает больше говорливого.
Беда лишь в том, что переводить его некому.
— Из правил мисс Баттерворт

Между тем человек, который, судя по всему, только что разыграл перед ними трагедию, недавно случившуюся в этой комнате, поднялся на ноги. С потерянным видом, ничуть не похожим на прежнее исступление, он нагнулся за стаканом, который уронил, и уже понёс его прочь, когда мистер Грайс окликнул его:

— Постойте! Стакан можете не уносить. Сначала мы хотим услышать, отчего ваш хозяин лежит здесь мёртвый.

Такое требование кого угодно заставило бы вздрогнуть. Но этот человек остался совершенно невозмутим и пошёл дальше. Тогда Стайлс положил руку ему на плечо.

— Стойте! — сказал он. — Это что ещё за манера ускользать? Не слышите, что ли, джентльмен с вами говорит?

На этот раз окрик подействовал. Стакан снова выпал из рук слуги — теперь он ударился об пол и разбился, и его звон смешался с криком, который вырвался у старика. Впрочем, это был не совсем крик, а странный звук, что-то среднее между стоном и визгом. Слуга наконец заметил тех, кто пытался его задержать, и его измученный взгляд и съёжившаяся фигура показали, что он понял, в каком страшном положении оказался. В следующую минуту он попытался вырваться, но Стайлс, перехватив его покрепче, потащил назад, туда, где у медвежьей шкуры стоял мистер Грайс и лежало тело хозяина.

Едва слуга увидел распростёртое тело, как с ним произошла новая перемена. Радость — самое жуткое из чувств там, где только что совершилось насилие и пришла смерть, — озарила его блуждающий взгляд и исказила рот. Не пытаясь скрыть своего удовлетворения, он тихо, но так пронзительно рассмеялся, что смех жутким эхом прокатился по комнате.

Мистер Грайс, против воли охваченный отвращением, которое лишь усиливалось оттого, что этот человек, видимо, не отвечал за себя, подождал, пока в высоких закоулках под потолком не замрут последние отзвуки этого страшного веселья. Затем он впился взглядом в блестящие глаза странного существа — а мы знаем, как редко он смотрел людям в глаза — и сурово сказал:

— Ну же! Говорите! Кто убил этого человека? Вы были с ним в доме и должны знать.

Губы слуги разомкнулись, и из них полился поток странных гортанных звуков. Свободной рукой (другую Стайлс прижимал к его боку) он коснулся своих ушей и губ и яростно затряс головой.

Истолковать это можно было лишь одним образом. Человек был глухонемым.

Для Стайлса это открытие оказалось чересчур сильным потрясением. Рука его разжалась и выпустила руку старика, и тот, почувствовав свободу, отошёл на прежнее место и с удвоенной живостью снова разыграл сперва убийство хозяина, а потом скорбь по нему — ту самую сцену, которая несколько минут назад произвела на них такое внушительное впечатление. Закончив, он остановился в ожидании, но на этот раз в глубине его быстрых, беспокойных глаз светилась та же злорадная искра, от которой само его присутствие в этой комнате смерти казалось кощунством и ужасом.

Стайлс не выдержал.

— Вы что, говорить не умеете? — закричал он. — Не слышите, что ли?

Кричать на глухого — способ старый, испытанный и ни разу ещё никому не помогавший.

Слуга только улыбнулся — недоброй, торжествующей улыбкой, и мистер Грайс счёл своим долгом это прекратить.

— Уведите его! — велел он. — Осмотрите его хорошенько, нет ли где следов крови. А я поднимусь в ту комнату, где вы застали его в первый раз. Он слишком тесно связан с преступлением, чтобы не унести на себе хоть какой-нибудь его след.

Но на этот раз даже испытанный сыщик дал промах. Никаких следов на старом слуге не нашли, а в комнатах наверху не обнаружилось ничего, что прямо связывало бы этого единственного оставшегося обитателя дома с преступлением, которое в нём совершилось. Тогда мистер Грайс крепко задумался и ещё раз осмотрел две комнаты, где, по его убеждению, таились все улики, какие только могло дать это странное преступление.

Осмотр дал немного. Сыщик снова погрузился в созерцание запрокинутого лица, чей застывший рот и неотступное выражение так красноречиво говорили о страдании и решимости, — как вдруг из полумрака над его головой раздался крик. Крик сложился в два слова, прозвучавших с поразительной отчётливостью, — самый неожиданный из призывов:

— Помни Эвелин!

Помни Эвелин! Кто такая Эвелин? И чей это голос в доме, который уже обыскали сверху донизу, не найдя больше ни души? Голос, казалось, шёл с крыши. И правда: подняв голову, мистер Грайс увидел клетку, подвешенную почти у самого верха одного из окон, о которых я говорил. В клетке сидел английский скворец. Словно поняв, что привлёк к себе внимание, он вытянул шею, когда мистер Грайс поднял глаза, и закричал снова, ещё настойчивее и яростнее:

— Помни Эвелин!

Это был последний жуткий штрих в череде жутких происшествий. С чувством, будто он видит кошмарный сон, мистер Грайс подался вперёд, опёршись на стол, чтобы лучше разглядеть птицу, и тут без всякого предупреждения белый свет, заливавший комнату с тех пор, как сыщик в последний раз тронул электрический прибор, снова сменился зелёным. Мистер Грайс понял, что нечаянно нажал кнопку и привёл в действие ещё одно стекло в диковинной лампе над головой.

Это его раздосадовало: меняющиеся цвета были загадкой, браться за которую он пока не мог, слишком поглощённый другим. Он отошёл от стола и уже собирался выйти из комнаты, когда из соседней приёмной, где Стайлс сторожил старого слугу, донёсся голос полицейского:

— Отпустить его, мистер Грайс? Он что-то очень беспокоится. Не буйный, понимаете, а встревоженный, будто забыл что-то или вспомнил о каком-то несделанном деле.

— Да, отпустите, — быстро ответил сыщик. — Только следите за ним и ступайте следом. Каждое его движение важно. Сам того не ведая, он может подсказать нам бесценные улики.

И он подошёл к двери, чтобы самому посмотреть, что станет делать слуга.

— Помни Эвелин! — пронёсся сверху пронзительный крик, когда сыщик проходил между портьерами.

Он не удержался и взглянул наверх. К кому так настойчиво обращался этот призыв из птичьего горла? К нему или к человеку на полу, чьи уши навсегда закрылись? Может быть, это не имело большого значения, а может быть, в этом и крылась тайна трагедии. Но важно это было или нет, сейчас ему было не до того: старый слуга, который, получив от Стайлса свободу, поспешил в парадную прихожую, как раз шёл ему навстречу. В одной руке он нёс шляпу хозяина, в другой — его зонт.

Не зная, что означает этот новый поступок, мистер Грайс остановился и подождал, пока слуга подойдёт. Немой, к которому вернулись почтительная неподвижность лица и выправка вышколенного слуги, подал ему принесённые вещи, а затем бесшумно, с видом человека, исполнившего привычную обязанность, вернулся на прежнее место в приёмной, сел и почти тотчас впал в прежнее оцепенение.

«Хм! Рассудок потерян, память ненадёжна, показания ничего не стоят», — с досадой думал разочарованный сыщик, вешая шляпу и зонт мистера Адамса на вешалку в прихожей. — «Довела его до такого состояния трагедия, только что разыгравшаяся здесь, или же его нынешнее помешательство — её предвестник и причина?» Мистер Грайс, может быть, и нашёл бы ответ на этот вопрос, если бы в эту минуту беспорядочное дребезжание дверного звонка, которым до сих пор выражала нетерпение любопытная толпа на улице, не прервалось властным стуком, разом положившим конец всяким размышлениям.

Прибыл коронер или какое-то не менее важное лицо, и золотой час сыщика миновал. Коронеры, увы, никогда не опаздывают.

Глава IV. Нечто новое для мистера Грайса

Хозяин, который любит запирать двери, обычно знает зачем.
Гостю полезно узнать это прежде, чем дверь закроется.
— Из правил мисс Баттерворт

Ни в одном деле за многие годы мистер Грайс не чувствовал себя в таком невыгодном положении, как в этом. Во-первых, убитый жил одиноко, и всё его домашнее хозяйство состояло из немого слуги, мастера на все руки. Во-вторых, он поселился в той части города, где соседей, в сущности, и быть не могло, и, как теперь выяснялось, у него не было даже сколько-нибудь деятельных друзей. Хотя весть о его смерти разнеслась уже несколько часов назад, никто не пришёл к дверям ни с расспросами, ни со сведениями. Это казалось странным: ведь в этом квартале он несколько месяцев был фигурой заметной. Но, с другой стороны, всё в этом человеке было странно, и обычные знакомства людей его круга не вязались бы ни с его обстановкой, ни с его своеобразным образом жизни. Даже соседями ему служили не люди, а лавки.

То, что у окружающих ничего нельзя было выведать привычным путём, не убавляло, а скорее прибавляло интереса, который мистер Грайс не мог не испытывать к этому делу. И незадолго до полуночи он с облегчением смотрел, как целая армия репортёров, врачей, чиновников и всех прочих, кто явился вслед за коронером, вереницей выходит из парадной двери, оставляя его — хотя бы на несколько часов — снова хозяином положения. Вид уходящих репортёров — лучшее лекарство для усталого сыщика.

Ему оставалось уладить ещё два дела, прежде чем позволить себе наконец отдохнуть. Первым он занялся немедленно. Проходя мимо стула в прихожей, на котором дремал маленький мальчик, он растормошил его:

— Ну, Джейк, пора проснуться. Ты пойдёшь со мной на то самое место, где сегодня тебя встретила эта дама.

Мальчик, ещё толком не проснувшись, огляделся в поисках шапки.

— Мне бы сперва к маме, — взмолился он. — Она небось вся извелась из-за меня. Я никогда ещё так долго не пропадал.

— Твоя мама знает, где ты. Я давно уже послал к ней сказать. Она очень хорошо о тебе отзывается, Джейк: говорит, ты послушный мальчик и ни разу ей не солгал.

— Она хорошая мама, — горячо подтвердил мальчик. — Я был бы такой же плохой… такой же плохой, как мой отец, если бы её обижал.

Тут рука его нащупала шапку, и он нахлобучил её на голову.

— Я готов, — сказал он.

Мистер Грайс тотчас повёл его на улицу.

Час был поздний, и по-настоящему оживлены были лишь некоторые части города. Вскоре они вышли на одну из таких улиц и остановились перед тёмной витриной небольшой лавки. Джейк показал на два чучела лягушек, сошедшихся с крошечными шпагами в смертельном поединке: на них-то он и смотрел, когда к нему подошла дама.

Мистер Грайс разглядывал скорее мальчика, чем лягушек, хотя мальчик, вероятно, поклялся бы, что сыщик ни на миг не отрывал глаз от крошечного сражения. Лягушки, впрочем, свидетельских показаний не давали.

— Она была хорошенькая? — спросил он.

Мальчик в замешательстве почесал в затылке.

— Я её здорово испугался, — сказал он. — Одета она была роскошно, ух как шикарно! — воскликнул он так, словно уж в этом-то сомневаться не приходилось.

— И она была молодая, с букетом цветов и чем-то встревоженная? Что? Не молодая, без цветов и даже не взволнованная, не дрожала?

Мальчик, который всё это время мотал головой, растерялся.

— Встревоженная она, пожалуй, была, как это называется. Но не плакала. А когда со мной говорила, то чувства у неё было больше в руке, чем в голосе. Она меня прямо волоком дотащила до аптеки, сэр. Не дай она мне сперва денег, я бы вывернулся, хоть она и держала. Но деньги я люблю, сэр, мне их не больно-то много перепадает.

Мистер Грайс к этому времени уже шёл дальше.

— Не молодая, — повторил он про себя. — Значит, какая-нибудь давняя пассия мистера Адамса. Такие бывают опасны, очень опасны — опаснее молодых.

Перед аптекой он остановился.

— Покажи, где она стояла, пока ты был внутри.

Мальчик указал точное место. Похоже, ему не терпелось не меньше, чем сыщику.

— А когда ты вышел, она там стояла?

— Нет, сэр, она ушла, пока я был в аптеке.

— Ты видел, как она уходила? Можешь сказать, в какую сторону она пошла — вверх по улице или вниз?

— Я одним глазом за ней поглядывал, сэр. Боялся, что она за мной в аптеку пойдёт, а рука у меня так болела, что не хотелось, чтобы она опять в неё вцепилась. Вот когда она двинулась, я шагнул поближе и увидел, как она подошла к краю тротуара и подняла руку. Только конку она не ждала: конки несколько минут не проходило ни одной.

Складка между бровями мистера Грайса заметно разгладилась.

— Значит, она подозвала кэб или извозчика. Ты не видел поблизости пустых экипажей?

Этого мальчик не заметил. Его наблюдательность была исчерпана, и никакими расспросами больше ничего из него вытянуть было нельзя. Мистер Грайс скоро это понял и, поручив мальчика одному из своих помощников, дежурившему здесь, вернулся в злополучный дом, где разыгралась трагедия.

— Меня кто-нибудь ждёт? — спросил он у Стайлса, открывшего ему дверь.

— Да, сэр. Молодой человек по фамилии Хайнс. Говорит, что электрик.

— Он-то мне и нужен. Где он?

— В гостиной, сэр.

— Хорошо! Я с ним поговорю. Но больше никого не впускайте. Наверху есть кто-нибудь?

— Нет, сэр, все ушли. Мне подняться или остаться здесь?

— Поднимитесь. За дверью я присмотрю сам.

Стайлс кивнул и вскоре скрылся наверху. Мистер Грайс прошёл в гостиную.

Навстречу ему поднялся щеголеватый молодой человек с умным взглядом.

— Вы за мной посылали, — сказал он.

Сыщик кивнул, задал несколько вопросов и, по-видимому, удовлетворившись ответами, повёл его в кабинет мистера Адамса. Тело оттуда уже перенесли наверх. Когда они вошли, их встретил мягкий свет свечи, которую по распоряжению мистера Грайса поставили на маленький столик у двери. Мистер Грайс подошёл к большому столу посреди комнаты, положил руку на одну из кнопок и попросил спутника быть так любезным задуть свечу. Тот задул, и на мгновение комната погрузилась в полную темноту. А затем внезапно вспыхнул чудесный густо-фиолетовый свет и залил всю комнату. Оба обернулись и посмотрели друг на друга с немым вопросом: для одного этот театральный эффект был совершенной неожиданностью, а для другого оставались загадкой и его причина, и назначение.

— Это лишь одно стекло, — заметил мистер Грайс. — Сейчас я нажму другую кнопку, и цвет сменится на… розовый, как видите. От этой — зелёный, от этой — белый, а от этой —

желчно-жёлтый, который, уверен, не к лицу ни одному из нас. Не осмотрите ли вы проводку — нет ли в ней чего-нибудь необычного?

Мистер Хайнс тотчас взялся за дело. Но кроме того, что всё устройство было делом рук любителя, ничего странного он в нём не нашёл — разве что работало оно на удивление исправно.

Мистер Грайс был явно разочарован.

— Значит, он сделал это сам? — спросил он.

— Несомненно. Или кто-то другой, столь же мало знакомый с новейшими способами прокладки проводов.

— Взгляните-ка на эти книги: достаточно ли в них сведений, чтобы любитель мог смастерить такое устройство?

Мистер Хайнс бросил взгляд на полку, на которую указал мистер Грайс, и, не вынимая книг, коротко ответил:

— Человек с ловкими руками и научным складом ума с их помощью мог бы сделать всё, что вы здесь видите, и даже больше. Всё дело в способностях.

— Тогда, боюсь, у мистера Адамса были способности, — сухо отозвался сыщик. В голосе его слышалось разочарование. Почему — стало ясно из следующих слов. — Человек со склонностью к механическим затеям часто тратит уйму времени и денег на бесполезные игрушки, годные разве что для детей. Взгляните хотя бы на эту клетку. Висит на такой высоте, что без лестницы до неё не дотянешься, — и всё же от неё явно есть толк: как видите, в ней сидит довольно бойкий жилец. Значит, есть какое-то приспособление, чтобы поднимать и опускать её по желанию. Где оно? Вы можете его найти?

Знаток полагал, что может. И в самом деле, после нескольких безуспешных попыток он нашёл ещё одну кнопку, хорошо спрятанную в гобелене на стене. Когда её нажали, что-то отцепилось, и клетка понемногу опустилась так низко, что мистер Грайс мог до неё дотянуться.

— Больше мы эту бедную птицу наверх не отправим, — сказал он, снимая клетку и на минуту задерживая её в руке. — Английский скворец в нашей стране не так уж часто встречается. Тише! Он хочет что-то сказать.

Но остроглазая птица, должно быть, поняв по выразительному жесту сыщика, что сейчас уместнее помолчать, чем повторять свой обычный призыв «помнить Эвелин», лишь повернулась разок в клетке и задремала — то ли по-настоящему, то ли притворившись под завораживающим взглядом старого джентльмена, который её держал. Мистер Грайс поставил клетку на пол и — от нечего делать или потому, что эта игра ему, при всех его годах и степенности, понравилась, — нажал на столе ещё одну кнопку, которой до сих пор не касался, и огляделся: каким станет свет теперь?

Но жёлтое сияние не изменилось. Наверное, пока устройство осматривали, провода где-то сбились. Пожав плечами, мистер Грайс хотел было отойти, как вдруг поспешным жестом указал знатоку на то, к чему ни один из них не был готов. Проём, который вёл в приёмную и был единственным сообщением с остальным домом, медленно закрывался. Из ярда он превратился в фут, из фута — в дюйм, из дюйма…

— Ну, это уж точно затея лентяя, — засмеялся электрик. — Сидит человек в кресле и закрывает себе дверь, когда вздумается. Не надо кричать глухому слуге, не надо самому ковылять через ковры, чтобы её захлопнуть. Пожалуй, я даже одобряю такое приспособление, только… — тут он заметил довольно серьёзное выражение лица мистера Грайса, — заслонка, кажется, устроена несколько странно. Она не из дерева, как полагается всякой разумной двери, а из…

— Из стали, — договорил мистер Грайс каким-то странным тоном. — Это страннее всего, что мы видели. Похоже, мистер Адамс был помешан на электрических затеях.

— И похоже, что мы здесь пленники, — подхватил электрик. — Я не вижу никакого способа отодвинуть эту заслонку обратно.

— О, для этого, конечно, есть другая кнопка, — небрежно заметил мистер Грайс.

Но найти её они не смогли.

— Если вы не возражаете, — сказал мистер Грайс после пяти минут бесплодных поисков, — я включу свет повеселее. Жёлтый как-то не подходит к случаю.

— Давайте розовый: если по ту сторону этой стальной плиты никого нет, сидеть нам здесь до утра.

— Наверху есть человек, которого мы, может быть, сумеем дозваться. Но что означает это приспособление? По-моему, вид у него зловещий, если вспомнить, что все окна в этих двух комнатах устроены почти под самой крышей.

— Да, вид очень странный. Но прежде чем об этом раздумывать, я бы глотнул свежего воздуха. Взаперти я ничего не могу. Голова не работает.

Тем временем мистер Грайс осматривал огромную стальную плиту, преградившую им выход. Он обнаружил, что её сделали — и, несомненно, за большие деньги — точно по изгибу стен, сквозь которые она проходила. Открытие было немаловажное: мистер Грайс стал ещё задумчивее и поглядывал на гладкую сталь у себя под рукой с явным недоверием.

— Мистер Адамс довёл свою любовь к механике до крайности, — сказал он слегка встревоженному спутнику. — Заслонка подогнана очень тщательно, и, если не ошибаюсь, её придётся изрядно поколотить, прежде чем нас выпустят.

— Лучше бы его увлечение электричеством довело его до такой простой вещи, как звонок.

— Верно, звонка мы нигде не видели.

— Это было бы для него слишком обыкновенно.

— К тому же его единственный слуга был глухой.

— Попробуйте постучать, как следует ударить этим альпенштоком в серебряной оправе. Кто-нибудь да услышит и придёт на помощь.

— Сначала попробую свисток: его поймут быстрее.

Но хотя мистер Грайс и свистел, и колотил в преграду так, что гул стоял, лишь через час ему удалось привлечь внимание Стайлса, и лишь через пять часов в стене пробили отверстие, достаточное, чтобы выбраться: так прочно перегородила стальная преграда единственный выход из этой удивительной комнаты. Электрик, приглашённый на полчаса, провёл в круглой комнате всю ночь.

Глава V. Пять блёсток

Дама может потерять блёстку и не заметить. Но носить платье, где блёстки не хватает, она не станет ни за что.
— Из правил мисс Баттерворт

После такого приключения интерес мистера Грайса к делу не мог не возрасти, а решимость докопаться до его тайн и разобраться во всех его странностях — не окрепнуть. Добравшись до Главного полицейского управления, где его, несомненно, ждали с некоторой тревогой те, кто не знал, отчего он так долго задержался, он первым делом спросил, не пришёл ли за ночь в себя слуга Бартоу.

Ответ разочаровывал. Перемен в состоянии слуги не было никаких, а врач по душевным болезням, приглашённый его освидетельствовать, высказался в том смысле, что скорого выздоровления ждать не приходится.

Мистер Грайс помрачнел и, вызвав полицейского, который распоряжался при аресте Бартоу, спросил, как вёл себя немой, когда понял, что его задержали.

Ответ был краток, но весьма по существу:

— Удивился, сэр. Покачал головой, сделал какие-то чудные знаки, а потом опять за своё — давай представлять. Прямо целое зрелище, сэр. Бедолага всё держит руку отведённой назад — вот так.

Мистер Грайс отметил этот жест: тот же жест Бартоу сделал и тогда, когда впервые понял, что на него смотрят. Смысл жеста был не вполне ясен. Слуга делал его правой рукой (ничто не говорило о том, что немой левша) и повторял снова и снова, словно рассчитывал этим движением обратить внимание на какое-то обстоятельство, которое освободит его из-под стражи.

— Он хандрит? Что у него на лице — страх или злость?

— По-разному, сэр. То у него такой вид, будто вот-вот заснёт, а через минуту он вскакивает в ярости, мотает головой и колотит в стены. Смотреть на это неуютно, сэр. Придётся сторожить его день и ночь.

— Сторожите и отмечайте каждую перемену в нём. Показания его, может быть, и не имеют законной силы, но в каждом его движении есть подсказка. Завтра я навещу его сам.

Полицейский вышел, а мистер Грайс несколько минут сидел, совещаясь сам с собой. Он вынул из кармана маленький пакетик, высыпал на стол пять блёсток, которые в нём лежали, и пристально на них посмотрел. Он всегда любил, размышляя, разглядывать какую-нибудь мелкую и с виду ничтожную вещицу. Должно быть, это помогало ему сосредоточиться. Во всяком случае, созерцание пяти блёсток, по-видимому, принесло плоды: некоторое время он с сомнением покачивал над ними головой, а потом вдруг решительно смёл их обратно в конверт, взглянул на часы и быстро вышел в общую комнату, где остановился перед шеренгой ожидающих. Одному из них, который следил за каждым его движением с интересом, не ускользнувшим от взгляда старого знатока человеческой природы, он сделал знак и повёл его к себе в кабинет.

— Хотите взяться за это дело? — спросил он, когда дверь за ними закрылась и они остались одни.

— О, сэр… — начал молодой человек, вспыхнув так, что его более чем некрасивое лицо стало даже интересным. — Я не смею…

— Довольно! — перебил его старший. — Вы здесь уже полгода, и вам пока не представилось случая показать какие-то особые способности. Теперь я хочу испытать вас на чём-то по-настоящему трудном. Справитесь, Свитуотер? Достаточно ли хорошо вы знаете город, чтобы взяться искать иголку в этом огромном стоге сена?

— Во всяком случае, хотелось бы попробовать, — горячо ответил тот. — Если получится, это будет мне куда большая честь, чем если бы я всю жизнь прожил в Нью-Йорке. Я давно рвусь к такому случаю. Вот увидите, я возьмусь за дело с толком — хотя бы из благодарности.

— Что ж, посмотрим, — заметил старый сыщик. — Если вы жаждете трудностей, их у вас, скорее всего, будет вдоволь. Собственно, я прошу невозможного. Нужно найти женщину, о которой мы ничего не знаем, кроме того, что, когда её видели в последний раз, на ней было платье, густо расшитое чёрными блёстками, и что к мистеру Адамсу — во время убийства или до него — она приходила с зонтиком, на который я дам вам взглянуть перед уходом. Откуда она пришла, не знаю, а куда ушла — это вам и предстоит выяснить. Вы будете не единственным, кому поручат это дело, а оно, как видите, почти безнадёжное, если только женщина сама не объявится. По правде говоря, я бы совсем отчаялся в вашем успехе, если бы не одно маленькое обстоятельство, которое я вам сейчас сообщу как своему особому доверенному агенту. Перед тем как скрыться от единственного человека, который за ней следил, эта женщина подошла к краю тротуара перед аптекой Картера и подняла правую руку — вот так. Улика небольшая, но другой у меня нет, если не считать этих пяти блёсток, упавших с её платья, и моей уверенности, что искать её надо не среди женщин сомнительного поведения, а среди тех, кто редко или никогда не попадается на глаза полиции. Впрочем, не позволяйте этой уверенности вас связывать. Уверенность, как правило, — вещь вредная: она больше мешает, чем вдохновляет.

Свитуотер*, которому и пение сирен показалось бы не таким сладким, слушал с восторгом и, открыто улыбнувшись, весело ответил:

* Sweetwater — по-английски «сладкая вода». (Прим. пер.)

— Сделаю всё, что смогу, сэр, только не показывайте мне зонтик, а опишите. Не хочу, чтобы ребята надо мной потешались, если я провалюсь. Лучше я тихонько возьмусь за работу и не стану внушать глупых надежд.

— Хорошо. Это одна из тех изящных пустяковых вещиц из серого шифона, с перламутровой ручкой и бантиками из розовой ленты. Не думаю, чтобы им хоть раз пользовались, а зная, как женщины обычно дорожат такими безделушками, могу сказать: оставить его могли только в минуту необыкновенного волнения или страха. Имени владелицы на нём нет.

— А имени мастера?

Мистер Грайс ждал этого вопроса и был рад, что не обманулся.

— Нет. Это слишком облегчило бы нам дело.

— А в котором часу эту даму видели у края тротуара возле аптеки?

— В половине пятого — как раз когда пришло сообщение по телефону.

— Очень хорошо, сэр. Труднее задания у меня ещё не бывало, но это не беда. Когда мне снова к вам явиться?

— Когда будет что сообщить. Ах да, подождите минутку. Я подозреваю, что эту женщину зовут Эвелин. Но учтите, это только подозрение.

— Хорошо, сэр.

И с довольно уверенным видом молодой человек исчез.

Мистер Грайс, судя по виду, бодрости юного Свитуотера не разделял. Туман, окутывавший это дело, был для него пока непроницаем. Но ведь ему было не двадцать три года, и позади у него были не одни только триумфы. В двадцать три года и стог сена кажется небольшим.

Дальше он надеялся на сведения, которые, вероятно, принесут газетные отчёты о преступлении, разошедшиеся теперь по всей стране. У такого богатого и образованного человека, как мистер Адамс, непременно должно было быть немало знакомых, и поразительное известие о его внезапной смерти, естественно, заставит их объявиться — тем более что ни из его состояния, ни из множества ценных вещей тайны никто не делал. Но это дело, которому суждено было стать одним из последних, занимавших этого проницательного старика, словно нарочно не желало сразу ему поддаваться: прошёл целый день, а не явилось ни одного наследника,

притязающего на состояние мистера Адамса, ни одного друга, способного приподнять завесу над жизнью этого странного человека. Правда, днём пришли банкир и адвокат покойного, но открыть они могли немногое: денежные дела его были в полном порядке, и, насколько им известно, семьи и родни у него не было.

Даже домовладелец мало что мог прибавить к тому, что уже знали все. Впервые он услышал о мистере Адамсе от филадельфийского адвоката, ныне покойного, который заверил его в почтенности своего клиента и в несомненной его способности платить за дом. Когда они встретились и мистера Адамса ему представили, его поразили, во-первых, аскетическая наружность будущего жильца, а во-вторых, его сдержанность и спокойный ум. Но как ни восхищался он жильцом, сблизиться с ним ему так и не удалось. Плата неизменно и с величайшей точностью вносилась в самый день срока, но визитов хозяина жилец не поощрял, а на всякую попытку сойтись поближе отвечал лишь холодной вежливостью человека светского и совершенно равнодушного. Жилец, который платит день в день и не пускает хозяина на порог, — мечта домовладельца и его же досада. Собственно, он всегда считал своего жильца книжным червём, поглощённым учёными занятиями и такими научными опытами, какие можно проводить без чьей-либо помощи, кроме глухонемого слуги.

На вопрос, не знает ли он чего-нибудь об этом слуге, он ответил, что видел его всего два раза, когда тот провожал его к хозяину; что о характере и нраве слуги ничего не знает и не может сказать, был ли тот предан хозяину или враждебен ему.

Так и эта дорога оказалась закрытой.

Когда домовладельца привели в комнату, где умер мистер Адамс, он в изумлении оглядел огромную стальную плиту, которая всё ещё загораживала проём, и высокие окна, сквозь которые пробивались лишь редкие солнечные лучи.

Указав на окна, он заметил:

— Их заделали по просьбе мистера Адамса. Сначала они доходили до самых панелей.

Ему показали, где положили дранку и штукатурку и как была изготовлена и установлена плита-заслонка. Но назначения её он не знал и не мог угадать, зачем было тратить на неё такие деньги.

Лампа оказалась новой диковинкой, а её переменчивые огни повергли его в ещё большее изумление. Обо всех этих устройствах он ничего не знал: когда он приходил в дом, его принимали в гостиной, где ничто не привлекало его внимания и не выдавало известных всем странностей жильца.

Скворца ему не показали. Эту говорливую птицу перевезли в Главное полицейское управление — особо для услады мистера Грайса. Поговаривали, что в управлении скворца выслушали внимательнее, чем иного свидетеля.

Прочие розыски тоже ничего не дали. Ни в пенсионном управлении, ни в одном из городских отделений Великой армии Республики не удалось узнать, кому принадлежали знаки отличия, висевшие на стене. Не было известно в Нью-Йорке и имя художника, написавшего портрет, который занимал такую большую часть стены, — иначе через него, может быть, удалось бы что-нибудь узнать о прошлом мистера Адамса. Все ящики и тайники в кабинете мистера Адамса обыскали, но не нашли ни завещания, ни деловых бумаг. Словно этот странный человек стремился скрыть, кто он такой, — или, вернее, словно он утратил всякий интерес к себе подобным и ко всему, что лежало за стенами, в которых он себя замуровал.

Ближе к вечеру начали поступать сведения от разных торговцев, с которыми имел дело мистер Адамс. Всем было что сказать о его чудачествах и о причудах его немого слуги. Обоих описывали как отшельников, отличавшихся от прочих лишь тем, что они не отказывали себе ни в какой разумной роскоши и, казалось, вели затворническую жизнь из чистой любви к уединению. Хозяина в лавках не видели никогда. Покупки делал слуга, объясняясь жестами, порой на удивление выразительными. Он вообще умел изъясняться взглядами и движениями, редко

вводил кого-нибудь в заблуждение и сам почти не ошибался. Обмана не терпел и всегда покупал самое лучшее.

В его здравом рассудке вплоть до дня смерти хозяина никто не сомневался. Однако не один из тех, с кем он имел дело, готов был засвидетельствовать, что последние несколько недель его поведение переменилось: появилось какое-то сдерживаемое возбуждение, совсем не похожее на прежнюю размеренность. Он стал раздражителен, и угодить ему стало труднее. С одним приказчиком он по самому ничтожному поводу обошёлся очень грубо, и терпели его в лавке только ради хозяина, слишком хорошего покупателя, чтобы его обижать. А бакалейщик мистер Келли зашёл так далеко, что сказал: слуга вёл себя как человек, затаивший обиду: ему не терпится сорвать на ком-нибудь злость, но он силой держит себя в руках.

Может быть, не случись в доме на улице — — трагедии, все эти люди не стали бы так охотно истолковывать в дурную сторону нервность, вполне простительную в человеке, настолько отрезанном от общения с себе подобными. Но когда перед глазами была насильственная смерть хозяина и необъяснённая причастность к ней слуги, кто бы не припомнил, что во взгляде его часто сквозила злоба?

Однако таких определённых доказательств, каких требует закон, это не давало, и мистер Грайс уже готов был счесть день потерянным, когда в управлении снова появился Свитуотер. Выражение его лица вдохнуло в мистера Грайса новую жизнь.

— Что? — воскликнул он. — Неужели уже нашли?

Свитуотер улыбнулся.

— Не спрашивайте меня, сэр, пока не надо. Я пришёл узнать, нельзя ли мне одолжить тот зонтик на часок. Я его верну. Мне нужно только кое-что с ним проверить.

— Что проверить, мой мальчик? Позвольте спросить — что проверить?

— Простите, сэр, у меня мало времени: почтенные торговые дома скоро закроются на ночь, а проверить мне нужно как раз в почтенном доме.

— Тогда не стану вас задерживать. Подождите здесь, я принесу зонтик. Вот! Только возвращайтесь поскорее, мой мальчик. Я уже не так терпелив, как прежде.

— Час, сэр, дайте мне час, а там…

Дверь захлопнулась за ним, и конца фразы мистер Грайс не услышал. Терпение, как и сыщики, с годами не молодеет.

Час этот показался бы мистеру Грайсу очень долгим, если бы, по счастью, его не сократило возвращение Свитуотера — ещё более взволнованного, чем прежде. В руке у него был зонтик.

— Проверка не удалась, — сказал он, — но зонтик всё равно принёс мне удачу. Я нашёл даму, сэр, и…

Ему пришлось перевести дух, прежде чем продолжать.

— И она такая, как я говорил, — начал сыщик. — Почтенная особа из почтенного дома.

— Да, сэр, очень почтенная, почтеннее, чем я ожидал. Настоящая леди, сэр. Не молодая, но…

— Её имя, мой мальчик. Это… Эвелин?

Свитуотер покачал головой с видом не менее простодушным, чем вопрос старого сыщика.

— Не могу сказать, сэр. По правде, у меня не хватило смелости спросить. Она здесь…

— Здесь!

Мистер Грайс поспешно шагнул было к двери, но тут же степенно вернулся.

— Я умею себя сдерживать, — сказал он. — Если она здесь, она не уйдёт, пока я её не увижу. Вы уверены, что не ошиблись? Что это та самая женщина, которую мы ищем, — та, что была в доме мистера Адамса и послала нам предупреждение?

— Выслушаете мою историю, сэр? Это займёт одну минуту. Тогда и решите сами.

— Вашу историю? Должно быть, занятная история. Как вы так быстро напали на эту женщину? По той примете, что я вам дал?

Лицо Свитуотера снова стало простодушным.

— Простите, сэр, но я оказался так самонадеян, что пошёл по своему следу. На то, чтобы разыскать всех извозчиков в городе, ушло бы слишком много времени, да я и не мог быть уверен, что она вообще брала извозчика. Нет, сэр, я придумал другой способ до неё добраться. Вы показали мне эти блёстки. Они были частью очень дорогой отделки — отделки, которая только недавно вошла в моду и стоит так дорого, что носят её главным образом состоятельные дамы, а продают только в магазинах, где торгуют самой изысканной отделкой. Я видел и примечал платья с такой отделкой — в некоторых витринах и на некоторых дамах — и ещё до того, как вы показали мне блёстки, подобранные в кабинете мистера Адамса, мог бы рассказать вам, как именно они расположены. Их нашивают на чёрный тюль узорами, сэр: завитками, или венками, или как это ни назови. Блёстки ярко сверкают, и узоры так бросаются в глаза, что всякий разрыв в них сразу заметен, особенно если тюль надет поверх цветной ткани, как часто бывает. Я вспомнил об этом и сообразил, что блёстки, скорее всего, осыпались с одного из передних полотнищ юбки, где пропажу заметят не только другие, но и сама владелица. И я сказал себе: «Что она станет делать, когда обнаружит, что платье испорчено?» И ответ пришёл сразу: «Если она такая дама, какой считает её мистер Грайс, она постарается восполнить пропавшие блёстки, особенно если потеряла их на месте преступления. Но где ей взять блёстки, чтобы их пришить? С запасного куска такого же тюля. Но вряд ли у неё есть запасной кусок. Значит, ей придётся его купить, а раз не хватает всего нескольких блёсток, она купит самую узенькую полоску». Вот вам и моя путеводная нить — во всяком случае, основание действовать. Я обошёл несколько крупных магазинов на Бродвее, Двадцать третьей улице и Шестой авеню и сумел заинтересовать кое-кого из приказчиков, так что вскоре был уверен: если в один из этих магазинов придёт дама за совсем маленьким куском такого тюля с блёстками, её приметят и, если удастся, узнают, где она живёт. Потом я занял пост в торговом доме Арнольда. Почему у Арнольда? Сам не знаю. Может быть, мой добрый гений хотел, чтобы мне повезло. Но везение это или что другое, а мне повезло: не прошло и половины послеобеденных часов, как я поймал многозначительный взгляд одного из приказчиков за прилавком. Я подошёл ближе и увидел, как он заворачивает маленький свёрток и отдаёт его очень хорошенькой румяной девушке, которая тут же с ним ушла. «Для одной из наших лучших покупательниц, — шепнул он мне, когда я подошёл. — Не думаю, чтобы это была та, кого вы ищете». Но я не хотел упускать ни единого шанса. Я пошёл за девушкой, которая унесла свёрток, и так добрался до прекрасного особняка из бурого песчаника в одном из самых тихих и аристократических кварталов. Когда она вошла в дверь полуподвального этажа, я позвонил в парадную, а потом… ну, я просто прикусил губу, чтобы не выдать волнения. Ведь такая попытка вполне могла кончиться разочарованием, а я знал, что если разочаруюсь сейчас… Но такого испытания мне не выпало. Дверь открыла та самая весёлая девушка, которую я видел выходящей из магазина. У неё в руке был даже тот самый свёрток — связующее звено между внушительным домом, у дверей которого я стоял, и странным убийством на улице — —. Но я не показал, как занимает меня этот свёрток, и к тому времени, как заговорил с ней, так владел собой, что она ничуть не заподозрила, как важно моё поручение. Вы, конечно, догадываетесь, о чём я спросил. «Ваша хозяйка не теряла зонтика? Тут один нашли…» Я не договорил, потому что по её лицу понял: хозяйка такую потерю понесла. А больше мне тогда знать ничего и не требовалось, и я крикнул: «Я принесу. Если он её — хорошо», — и сбежал по ступенькам.

Я собирался доложить вам, что сделал, и спросить совета. Но самонадеянность взяла верх. Я решил, что должен удостовериться, не стал ли жертвой совпадения. Такой почтенный дом! Такая почтенная горничная! Вот если она признает зонтик хозяйкиным — тогда и в самом деле можно будет похвастать успехом. Поэтому я попросил у вас на время этот зонтик, вер-

нулся и снова позвонил. Вышла та же девушка. Думаю, сегодня мне благоволила судьба. «Вот зонтик», — сказал я, но не успел договорить, как увидел, что девушка встревожилась или что произошла какая-то досадная ошибка. «Это не тот, что потеряла хозяйка, — сказала она. — Она никогда не носит ничего, кроме чёрного». И дверь уже готова была закрыться у меня перед носом, когда из глубины дома властно прозвучал голос: «Покажите-ка мне этот зонтик. Поднимите его, молодой человек. Вот так! У подножия лестницы. А!»

Если бывает на свете красноречивое восклицание, то это было оно — простое «А!». Говорившую я не видел, но понял, что она перегнулась через перила площадки наверху. Я прислушивался и ждал, что сейчас она тихонько уйдёт. Но она не уходила. Она явно собиралась с силами, оправляясь от неожиданности. Вскоре она снова заговорила, и меня поразил её тон. «Вы пришли из Главного полицейского управления», — так она меня окликнула.

Я опустил зонтик. Говорить «да» я не счёл нужным.

«От человека по фамилии Грайс», — продолжала она всё тем же странным тоном, который я и описать-то не могу, сэр.

«Раз уж вы спрашиваете, — ответил я тогда, — признаюсь: я здесь по его указанию. Он хотел вернуть вам пропажу. Разве этот зонтик не ваш? Не оставить ли его у этой девушки?»

Ответ прозвучал сухо, почти резко: «Мистер Грайс ошибся. Зонтик не мой. Однако он, несомненно, заслуживает похвалы за то, как сумел им распорядиться в своих поисках. Я хотела бы сказать ему это сама. Он сейчас у себя в управлении? И как вы думаете, меня примут?»

«Он будет в восторге», — ответил я, не воображая, что она говорит всерьёз. Но она говорила всерьёз, сэр. Не успел я оглянуться, как увидел, что по лестнице спускается очень величественная, почти суровая дама. Она была одета для выхода и говорила со мной весьма повелительно. «У вас есть кэб?» — спросила она.

«Нет», — сказал я.

«Так найдите».

Вот это была задача! Оставить её и тем самым дать ей возможность скрыться — или положиться на её честность и на прямоту её взгляда, а взгляд у неё, сэр, был необыкновенный, — и послушаться её, как, видно, привыкли слушаться все вокруг?

Я решил положиться на её честность и пошёл за кэбом. Но это был риск, сэр, и обещаю впредь так не рисковать. Когда я вернулся, она ждала меня на крыльце и тут же села в экипаж, велев немедленно ехать в Главное полицейское управление. Входя сейчас, я видел её: она сидит в общей комнате и ждёт вас. Готовы вы сказать, что я хорошо поработал?

Мистер Грайс с неописуемым выражением, в котором смешались зависть и снисходительность, пожал протянутую ему руку и вышел. Сдерживать любопытство он больше не мог и направился прямо туда, где его ждала таинственная незнакомка. Казалось ли ему странным, что она его знает, что она его ищет? Если и казалось, он не выдал этого ничем: держался он чрезвычайно почтительно. Но, оказавшись с дамой лицом к лицу, он вдруг переменился. Почтительность никуда не делась, но в его лице отразилось изумление куда более явное, чем обычно позволял себе этот опытный сыщик. Дама перед ним была ему хорошо знакома; более того, в некоторых прошлых делах она была почти его соратницей. Словом, это была не кто иная, как самая почтенная из дам — мисс Амелия Баттерворт с Грамерси-парк.

Глава VI. Советы старой знакомой

Признаваться следует первой. Тогда хотя бы рассказ будет твоим.

— Из правил мисс Баттерворт

Взгляд, которым эта любезная старая дева встретила его взгляд, постороннему было бы трудно понять. Мистеру Грайсу, пожалуй, тоже: ему ещё ни разу не доводилось видеть эту даму хоть сколько-нибудь недовольной собой. Состояние это было для мисс Баттерворт непривычным, и она, судя по всему, находила его в высшей степени неудобным.

— Мисс Баттерворт! Что это значит? Неужели вы…

— Вот! — Слово прозвучало довольно резко. — Вы застали меня за старыми проделками, и мне соответственно стыдно, а вы соответственно торжествуете. Серый зонтик, который вы любезно прислали ко мне в дом, не мой. Но в комнате, где вы его подобрали, я была — как вы так ловко заключили, — и раз уж от вашей проницательности не увернуться, я пришла сюда признаться.

— Ах вот как!

Сыщик тотчас загорелся интересом. Он придвинул стул к мисс Баттерворт и сел.

— Вы там были! — повторил он. — А когда? Спрашивать, зачем, я не смею.

— Но мне придётся объяснить зачем, иначе я окажусь в слишком невыгодном положении, — ответила она с мрачной решимостью. — Не то чтобы мне нравилось выставлять напоказ свою слабость, но я понимаю, чего требуют обстоятельства, и вполне разделяю ваше удивление: я, человек мистеру Адамсу посторонний и лишённый того оправдания, какое было у меня, когда я прежде вмешивалась в дела полиции, так забылась, что сижу теперь перед вами в таком положении. Это не было делом моего ближайшего соседа, и оно меня не искало. Это я его искала, сэр, — и вот каким образом. Лучше бы мне сначала уехать в Иерихон: путь, может быть, вышел бы длиннее и дороже, зато унижения и, возможно, огласки было бы меньше. Мистер Грайс, я вовсе не собиралась снова впутываться в дело об убийстве. Свои способности к сыскной работе я показала и уже удостоилась кое-каких знаков вашего одобрения; но голова у меня от них не закружилась — по крайней мере, так я думала, — и я вполне искренне решила впредь держаться своего дела и не поддаваться ни на какие соблазны, которые вы могли бы мне предложить, — не пускать в ход дарований, которые в прошлом, может быть, и принесли мне похвалы, но уж точно не принесли счастья. Но соблазн пришёл не через вас — иначе я, быть может, устояла бы, — а через стечение обстоятельств, которое застало меня слабой и в некотором роде неподготовленной. Иными словами, я была застигнута врасплох и заинтересовалась этим делом. О, мне стыдно, так стыдно, что я изо всех сил старалась скрыть своё участие. Я уже думала, что мне это удалось, и поздравляла себя с осторожностью, — и вдруг мне сунули под нос этот зонтик, и я поняла: вы, если не кто другой, знаете, что Амелия Баттерворт побывала в комнате, где умер мистер Адамс, раньше вас. А ведь я думала, что не оставила никаких следов. Неужели вы видели…

— Мисс Баттерворт, с вашего платья упали пять маленьких блёсток. На вас было платье с чёрными блёстками, не так ли? Кроме того, вы передвинули чернильницу, и… Что ж, никогда больше не буду доверять косвенным уликам. Я увидел эти следы присутствия женщины, услышал рассказ мальчика о нарядной даме, которая послала его в аптеку сообщить полиции, и сделал вывод — вам я могу в этом признаться, — что кинжалом убийцы орудовала эта женщина, а не глухонемой слуга, на которого до сих пор падала вина. Поэтому мне и хотелось её найти. Я вовсе не предполагал, чем кончатся мои старания и что мне придётся приносить ей нижайшие извинения.

— Не извиняйтесь передо мной. Мне нечего было там делать — или, по крайней мере, нечего было оставлять эти пять блёсток, о которых вы говорите, на злосчастном полу мистера Адамса. Я просто проходила мимо дома. И будь я той женщиной, какой была когда-то, то есть женщиной, ни разу не соприкасавшейся с тайнами, я пошла бы своей дорогой, вместо того чтобы свернуть. Сэр, это странное ощущение — оказаться, пусть и без всякой вины, в глазах целого города причиной или поводом страшного убийства, особенно когда ты, как я, посвятила некоторое время изучению преступлений и погоне за преступниками. Признаюсь, удовольствия мне это не доставляет. Но я сама навлекла это на себя. Не будь я так любопытна… Но нет, это было не любопытство. Никогда не признаю, что подвержена простому любопытству. Всё дело было в лице того молодого человека. Но я забываюсь. Я перескакиваю с одного на другое, а должна рассказывать по порядку. Это не в моих привычках, сэр, вы знаете; но сейчас я сама не своя. Право, это разоблачение моей неосторожности расстроило меня больше, чем признание мистера Трома в Переулке пропавших! Дайте мне время, мистер Грайс; через несколько минут я буду связнее.

— Я и даю вам время, — ответил он с одним из самых низких своих поклонов. — Полдюжины вопросов, которые мне не терпится задать, ещё не сорвались у меня с языка, и я сижу здесь, как вы сами должны признать, воплощённым терпением.

— Значит, вы думали, что это сделал кто-то посторонний, — вдруг перебила она. — Большинство газет — я внимательнейшим образом прочла их сегодня утром — приписывает преступление тому человеку, о котором вы упомянули. И, похоже, для этого есть веские основания. Дело это не простое, мистер Грайс, в нём есть сложности, — я сразу это поняла, потому-то… но я не стану больше тратить ни минуты на извинения. Вы имеете право на любую мелочь, которую я подметила во время своего злополучного визита, а есть одно обстоятельство, которого я не нашла ни в одном отчёте об убийстве. В те несколько роковых минут перед смертью у мистера Адамса были и другие посетители, кроме меня. С ним были молодой человек и молодая женщина. Я видела, как они выходили из дома. Как раз когда я проходила…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.